

ПЕСНЯ: ЖИЗНЬ В ТРАДИЦИИ

УДК 784.3

DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-12-40

«Виновата ли я»: старый романс и современная песня

Константин В. Душенко

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия, kdushenko@nlr.ru*

Аннотация. В статье исследуется происхождение песни «Виновата ли я» и ее дальнейшая эволюция вплоть до нашего времени. Раннее упоминание о песне датируется 1956 г. Ее мелодия самостоятельна, а текст ранней версии восходит к трем источникам: 1) романс «Виновата ли я?» (1865), изданный под именем «Анна Р.»; 2) романс-ответ «Виновата кругом!» В. Сулковского (1886); 3) анонимный шантанный куплет середины 1910-х гг. В результате контаминации возникла диалогическая композиция. В романсе рассказывается история о кокетке, которая искусно играет чувствами мужчины и в конце концов губит его; в песне, по устойчивой фольклорной традиции, страдающим персонажем стала девушка. В песне главенствует мотив самооценности любви, который в народную песню пришел из поэзии сентиментализма и романтизма. Но если ранняя версия – протяжная лирическая, то позднейшие все больше походят на быструю плясовую. В «мужской версии», появившейся в конце 2010-х гг., гендерные роли персонажей инвертированы.

Ключевые слова: бытовой романс, застольные песни, гендерный аспект, В. Сулковский

Дата поступления статьи: 9 июня 2024 г.

Дата одобрения рецензентами: 9 ноября 2024 г.

Дата публикации: 26 декабря 2025 г.

Для цитирования: Душенко К.В. «Виновата ли я»: старый романс и современная песня // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 4. С. 12–40. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-12-40

“Am I to blame”:
an old romance and a modern song

Konstantin V. Dushenko

*Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION)
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, kdushenko@nlm.ru*

Abstract. The article examines the origins of the song “Am I to blame.” and its further evolution up to our time. The earliest mention of the song dates back to 1956. The melody of the song is independent, and the text of the early version goes back to three sources: 1) the romance “Am I to blame?” (1865), published under the name “Anna R.”; 2) romance-response “It’s all your fault!” by V. Sulkowski (1886); 3) anonymous chant verse from the mid-1910s. The contamination of these sources resulted in a dialogic composition. The romance tells the story of a coquette who skillfully plays with a man’s feelings and ultimately destroys him; in the song, according to a stable folklore tradition, the suffering character was a girl. The song is dominated by the theme of the intrinsic value of love which entered the folk song tradition from the poetry of sentimentalism and romanticism. While the early version is a drawn-out lyrical one, then the later ones increasingly resemble a fast dance one. In the “male version”, which emerged in the late 2010s, the gender roles of the characters are inverted.

Keywords: everyday romance, drinking songs, gender aspect, V. Sulkowski

Received: June 9, 2024

Approved after reviewing: November 9, 2024

Date of publication: December 26, 2025

For citation: Dushenko, K.V. (2025), “ ‘Am I to blame’: an old romance and a modern song”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 4, pp. 12–40, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-4-12-40

Автор ставил своей целью указать источники текста песни «Виновата ли я» и проследить ее эволюцию вплоть до нашего времени. Для решения этих задач по возможности широко привлекается художественная, очерковая и мемуарная литература, в которой отражено бытование песни и одноименного романса.

* * *

В очерке Евгения Добровольского о городе Гусь-Хрустальном конца 1960-х гг. читаем: «...По ночам молодые голоса выводили и каблуками, каблуками приколачивали в бетонные плиты перекрытий: “Виновата ли я, виновата ли я, виновата ли я, что

люблю...” Еще пели <...> “Хаз-Булат удалой, бедна сакля твоя...” Других песен не было»¹.

А вот свидетельство современного блогера: «Если кто помнит застолья 70–80-х, то, наверное, первой песней, исполняемой в этих торжественных случаях, вспомнится песня о несчастной любви “Виновата ли я”»². В Рунете выставлено не менее полусотни версий ее исполнения.

Всеобщую известность песня получила сравнительно поздно, в 1961 г., когда на экраны вышел фильм «Тучи над Борском» (реж. Вас. Ордынский, сцен. С. Лунгина и И. Нусинова). Этот фильм, снятый в рамках очередной антирелигиозной компании, запомнился зрителям, в отличие от прочих подобных лент. В современных отзывах о нем звучат такие слова, как «триллер», «нуар», «саспиенс», упоминается даже имя Хичкока.

Директор школы случайно подслушивает объяснение старшеклассницы в любви однокласснику; девушку порицают за «аморальное поведение». Она вступает в общину сектантов, а в финале едва спасается от распятия, которому «за грехи» решила подвергнуть ее община. Песня звучит в середине фильма. Девушка, только что решившая переменить свою участь и вступить в секту, медленно идет к речному парому, а где-то вдали мужской дуэт под гитару с балалайкой поет песню, которая перекликается с душевным состоянием героини:

Виновата ли я, виновата ли я,
Виновата ли я, что люблю?
Виновата ли я, что мой голос дрожал,
Когда пела я песню свою?
(Две последние строки куплетов повторяются)

Говорил при луне, при ночной тишине:
«Ты не спи, дорогая, не спи!
Ночью звезды горят, ночью ласки дарят,
Ночью все о любви говорят...»

Виновата сама, виновата во всем,
Еще хочешь себя оправдать!
Так зачем же тогда в эту лунную ночь
Позволяла себя целовать?

¹ Добровольский Е. Гусь козе не товарищ // Смена. 1995. № 10. С. 10.

² KAMAS. «Виновата ли я» (1960 г.) 22.08.2021. URL: https://cont.ws/@kamas/2067177?utm_referrer=mirtesen.ru (дата обращения: 10.01.2024).

Виновата ли я, виновата ли я,
Виновата ли я, что люблю?
Виновата ли я, что мой голос дрожал,
Когда пела я песню свою?

Благодаря фильму именно киноверсия текста стала на некоторое время (вероятно, до 1970-х гг.) основной. Ее мы далее будем называть ранней за неимением других полных версий, надежно датированных периодом до 60-х гг.

Музыку к фильму «Тучи над Борском» написал Алексей Муравлев (1924–2023). Сам он на склоне лет сообщал две противоречивые версии об авторстве песни. Согласно первой, песню он услышал во время съемок фильма, которые проходили в небольших городках Нижегородской и Рязанской областей. Согласно второй версии, «слова были написаны одним малоизвестным бардом, а я сочинил для нее музыку»³. В Рунете даже указывается предположительное имя этого барда: Феликс Данилович Даллада (1929–1981), ранний представитель авторской песни⁴. Ему же приписывают авторство песни «Расцвела сирень в моем садочке»⁵. Верной следует считать первую версию: композитор аранжировал народную, хотя и сравнительно новую песню.

Советские культурные власти по меньшей мере настороженно относились к бытовому романсу с его апологией частного, интимного. Даже в 1980 г., когда уже полным ходом шла реабилитация «старинного» романса, один из виднейших деятелей советской эстрады Александр Конников писал, что этот романс «обладает <...> свойством одурманивать, уводить от действительности»⁶. Песня «Виновата ли я», как будет показано ниже, выросла из бытового романса и сохранила его родовые черты, не имея за собой индульгенции, которой пользовались тексты, уже укорененные в культурной традиции. В советское время она, несмотря на свою широчайшую известность, не исполнялась в концертах, не звучала по радио, не записывалась на пластинки

³ Алексей Муравлев. Штуки-дрюки. Stuki-druki.com <2023>. URL: <https://stuki-druki.com/authors/muravlev-alexey.php?ysclid=lt33nrpxu439478799> (дата обращения: 15.02.2024).

⁴ Например: Виновата ли я // Btatata.Com – биографии, тексты песен, авторские статьи и обзоры дисков. URL: <https://bstatata.com/pesni/34255-vinovata-li-ja.html?ysclid=m6kqvozey1319458537> (дата обращения: 15.02.2024).

⁵ Даллада // Bards.ru. URL: <http://www.bards.ru/archives/author.php?id=106> (дата обращения: 15.02.2024).

⁶ Конников А.П. Мир эстрады. М.: Искусство, 1980. С. 119–120.

и не включалась в песенники. Официальная культура ее как бы не замечала.

Нам известно лишь одно упоминание о концертном исполнении песни в СССР. Состоялось оно в 1979 г. в Большом зале Московской консерватории, но при весьма специфических обстоятельствах. На праздновании юбилея профессора В.Г. Соколова выступили эстрадные артисты Вадим Тонков и Борис Владимиров, известные как комический дуэт двух старушек – Вероники Маврикиевны и Авдотьи Никитичны. В детстве они пели в хоре под управлением Соколова, а песню исполнили в старушечьем амплуа⁷.

* * *

Три первоначальных куплета песни восходят к трем разным источникам. Первый из них указан в недавней заметке Сергея Федосова-Макарова⁸. Это романс «Виновата ли я?»⁹, изданный в Петербурге с датой цензурного разрешения 15 февраля 1865 г.¹⁰ На титуле значилось: «Музыка Анны Р.», причем после инициала следуют девять крестиков – вероятно, опущенные буквы фамилии. Немногочисленные в России XIX в. женщины-композиторы принадлежали к разряду сочиняющих исполнителей – пианисток, певиц, скрипачек [Иванова 2010, с. 563]. Но они, как правило, публиковались под собственным именем.

Слова, по-видимому, также принадлежали Анне Р.: автор текста романса, написанного композитором на чужие слова, обычно

⁷ Олхович Е. В гостях у В.Г. Соколова // Советская музыка. 1979. № 5. С. 133.

⁸ Федосов-Макаров С. Виновата ли я // Проза.ру. 2023. URL: <https://proza.ru/2023/04/03/986?ysclid=lwgm8k9ur613818612> (дата обращения: 10.01.2024).

⁹ Виновата ли я? : Романс для голоса с ф.-п.; h-f.2 / Муз. Анны Р... СПб.: Бернارد, ценз. 1865. 3 с.

¹⁰ В книготорговом каталоге Бернарда, помещенном в одном из изданий романа «Ты вспомни обо мне» Н.Г. фон Девиза, упоминается романс Р. (А.) «Виновата ли я?». Цензурное разрешение романа Девиза было выдано 11 апреля 1853 г. (Ты вспомни обо мне: Романс / Муз. Н.Г. Девиза. СПб.: Бернارد, ценз., 1853. С. 3). Федосов-Макаров (Федосов-Макаров С. Виновата ли я // Проза.ру. 2023. URL: <https://proza.ru/2023/04/03/986?ysclid=lwgm8k9ur613818612> (дата обращения 10.01.2024)) поэтому предположил, что романс «Виновата ли я» имеет более давнюю историю. Но дата 11 апреля 1853 г. не относится к каталогу Бернарда; в нем, среди прочего, значится романс Цезаря Кюи «Так и рвется душа...», сочиненный в 1858 г.

указывался на титуле или в нотах. То, что романс написан от лица женщины, лишь подтверждает это предположение.

Стихотворный размер романса почти совпадает с размером песни, но сюжет ее совершенно другой. Это история о кокетке, которая искусно играет чувствами мужчины и в конце концов губит его.

Виновата ли я, если взгляд мой зажег
В его сердце кипучую кровь,
Если в речи моей он подслушал намек,
Так, шутливый намек на любовь!
Если сам всей душой полюбил он меня,
Виновата ли я?

Виновата ли я, что мой голос дрожал,
Когда слушал он песню мою,
И глядел на меня, и глубоко вздыхал,
И томил только душу свою;
Что ему полюбилась так песня моя,
Виновата ли я?

Виновата ли я, что случайно впотьмах
Я склонилась к нему на плечо,
В тот же миг на моих незакрытых устах
Поцелуй прозвучал горячо;
Если я поцелуй возвратила шутя,
Виновата ли я?

Виновата ли я, что он после того
Всюду следовал тенью за мной;
Что наскучили мне посещения его,
Когда мне приглянулся другой;
Что погиб он вдали, укоряя меня,
Виновата ли я?

Романс Анны Р., как нам представляется, стоял выше среднего уровня тогдашней романсовой продукции. Закольцованная композиция строфы (зачин и рефрен повторяются) хорошо известна в лирической поэзии. Из наиболее известных к тому времени романсов с такой композицией стоит назвать чрезвычайно популярные в 1860-е гг. романсы Евдокии Ростопчиной «Когда б он знал!» (1830, опубл. в 1841 г.¹¹) и романс А. Даргомыжского на стихи Ф. Миллера «Мне все равно» (1859).

¹¹ Этот романс, в свою очередь, был переложением стихотворения француженки Марселины Деборд-Вальмор *S'il l'avait su!* (1825) с той же закольцованной композицией.

Выбранный Анной Р. размер был не вполне обычен, тем более для автора-дилетанта: анапест с мужскими рифмами и чередованием 4- и 3-стопных строк. Этот размер, введенный Жуковским в знаменитой балладе «Замок Смальгольм» (1822)¹², долгое время считался балладным по преимуществу. Такой «романсовый» поэт, как Фет, написал всего два лирических стихотворения тем же размером, причем лишь одно было написано до 1865 г. («Благовонная ночь, благодатная ночь», 1857). В сборнике М. Петровского и В. Мордерера¹³, где представлены почти четыре сотни наиболее популярных бытовых романсов рубежа XIX–XX вв., нет ни одного, написанного этим размером. Нет их и в двухтомном собрании песен русских поэтов¹⁴.

Анапест с мужскими окончаниями соответствует ритму вальса (3/4). Вальс на мелодию Анны Р. написал известный петербургский музыкант Иван Черлицкий. И.К. Черлицкий умер в Петербурге 6 июня 1865 г., меньше чем через четыре месяца после публикации романса; извещение об издании вальса появилось в № 1 «Современника» за 1866 г.¹⁵ А значит, либо вальс был написан незадолго до смерти композитора, либо Черлицкий ознакомился с романсом еще до его публикации – если, например, допустить, что Анна Р. была его ученицей.

К концу XIX в. насчитывалось не менее девяти нотных изданий романса, четыре из них – на музыку других авторов: Л.Ф. Энгеля (1872), В.В. Соколова (1874), М.М. Зубова (1881) и А.И. Черлицкого (1891), сына И.К. Черлицкого¹⁶.

По оценке московского музыковеда Василия Кузьмина¹⁷, к которому обратился автор настоящей статьи, музыка Анны Р.

¹² «До рассвета поднявшись, коня оседлал / Знаменитый Смальгольмский барон» и т. д.

¹³ Ах романс. Эх романс. Ох романс: русский романс на рубеже веков / сост. В. Мордерер, М. Петровский. СПб.: Герань, 2005. 310 с.

¹⁴ Песни русских поэтов: В 2 т. / сост. В.Е. Гусев. Л.: Советский писатель, 1988. Т. 2. 622 с.

¹⁵ Новые музыкальные сочинения в магазине М. Бернарда // Современник. 1866. № 1. С. 2 (Приложение).

¹⁶ Виновата ли я?: Романс / Муз. Л.Ф. Энгеля. СПб.: Битнер, ценз. 1872; Соколов В.Т. Виновата ли я?: песня: для меццо-сопрано или баритона / муз. В. Соколова. М.: Юргенсон, ценз. 1874; Зубов М.М. Виновата ли я?: Романс для сопрано с сопровожд. ф.-п. СПб.: Юргенсон, ценз. 1881; Черлицкий А. Виновата ли я // Альбом любимых русских романсов: (20 номеров): Для сопрано с фп. М.: Юргенсон, ценз. 1891. С. 64–67.

¹⁷ Кузьмин В. Анализ музыки различных изданий романса «Виновата ли я?» (1865) и романса «Виновата кругом!» (1886) // Фольклор

наиболее безыскусна по сравнению с музыкой позднейших авторов; ее фактура очень проста – и у вокала, и у фортепианного сопровождения¹⁸. Это, как мы полагаем, немало способствовало включению салонного романса Анны Р. в городской песенный репертуар.

Женщине в романсе Анны Р. принадлежит иницилирующая и главенствующая роль, что весьма необычно. В лирике XIX в. (не только русской) такие женские образы – прерогатива поэтов-мужчин; женская лирика – почти исключительно «страдательная», и таков же репертуар русского «женского» романса.

В 1880 г. романс был включен в песенник, но почему-то без второго куплета¹⁹. Между тем двустихие «Виновата ли я, что мой голос дрожал, / Когда слушал он песню мою» – единственные строки романса, принятые во всех вариантах народной песни.

Сохранилось немало свидетельств популярности романса. В 1868 г. обозреватель «Петербургских ведомостей», побывавший на концерте Дмитрия Агренева-Славянского, знаменитого исполнителя русских песен, сообщал: «...С особенным жаром был приветствован романс “Виновата ли я?”. Я заметил, что он преимущественно понравился людям пожилым, словно в словах романса они нашли оправдание и своим грехам, и в глубине души повторяли: “виноваты ли мы?”»²⁰.

М.М. Осоргину²¹ запомнилось услышанное им в детстве (1874) исполнение романса в калужском дворянском собрании²². Среди комических объявлений молодого Чехова (1882) есть и такое: «“Виновата ли я?” – Споет m-me Бренко»²³. Имелся в виду переход театра актрисы А.А. Бренко в руки антрепренера Ф.А. Корша.

и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://cts.f.ru/publication/v-kuzmin-analiz-muzyki-razlichnykh-izdaniy-romansa-vinovata-li-ya-1865-i-romansa> (дата обращения: 19.05.2024).

¹⁸ Инструментальная озвучка упомянутых в статье романсов приводится в этой же публикации В. Кузьмина.

¹⁹ Полный песенник: Сборник новейших 1000 песен. М.: Д.И. Преснов, 1880. Ч. 1. С. 95.

²⁰ Юркевич М.В. Д.А. Славянский в его четырехвековой художественной и политической деятельности. М.: И.Н. Кушнерев, 1889. С. 18.

²¹ Михаил Михайлович Осоргин (1861–1939), в 1903–1907 гг. гродненский, затем тульский губернатор; с 1931 г. в эмиграции.

²² Осоргин М.М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни, 1861–1920. М.: Рос. фонд культуры и др., 2009. С. 75.

²³ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.: сочинения: В 18 т. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 124.

Эта ироническая аллюзия предполагала безусловную известность романса читателям А. Чехонте.

В 1884 г. в Москве была провалена явка народнического рабочего кружка. Причиной провала стала попавшая в руки полиции записка с адресом и паролем «Виновата ли я»²⁴, а значит, романс проник и в низовую городскую среду.

Агреев-Славянский мог исполнять только оригинальную версию, других еще не было. Позднее, как мы видели, романс упоминается как общеизвестный, что означает и общеизвестность мелодии Анны Р.

В «женской» литературе последней четверти XIX в. романс Анны Р. несколько раз выступал в качестве непрямого приглашения к флирту. В романе Прасковьи Лачиновой «Увлечения и ошибки» (1877) замужняя женщина с экзотическим именем Клеопатра пробует флиртовать со знакомым мужчиной:

Знаете вы этот романс, – закричала она опять Всеволоду:

Виновата ли я,
Если взгляд мой зажег
В его сердце кипучую кровь?

– Слышал от вас, – отвечал Всеволод.

– Давайте петь. Я начинаю: «Виновата ли я...»²⁵

В повести Лачиновой «Пустое зерно» (1890) кокетка Юлия Сергеевна примеряет на себя роль разлучницы мужа (Анурина) с женой (Машей): «...Засмеялась, села за рояль и запела: “Виновата ли я...” Все стали слушать. Подошла Маша, подошел и Анурин. Юлия Сергеевна, кокетливо наклоняя головку то направо, то налево, улыбалась, как бы применяя к себе слова романса»²⁶.

В рассказе анонимного автора «Из прошлого» (1898), написанном от лица женщины, романс становится завязкой любовного романа:

– “Виновата ли я, что мой голос дрожал, когда слушал он песню мою!” – пела Соня.

²⁴ Добротвор Н. На заре революционного движения в Туле // Революционное былое. 1923. № 2. С. 8.

²⁵ Летнев П. <Лачинова П.А.> Увлечения и ошибки // Дело. 1877. № 6. С. 33.

²⁶ Летнев П. <Лачинова П.А.> Пустое зерно // Наблюдатель. 1890. № 1. С. 185.

- “И глядел на меня...” – тихонько стала я подпевать.
Василий Иванович обернулся.
– “И глубоко вздыхал...” – продолжала я громче и поманила его к себе.
Он нерешительно встал.
– “И томил только душу мою!” – настойчиво пела я.
Он подошел.
– Тише! – <...> Когда стемнеет, приходите сюда!
И я запела дальше:
– “Виновата ли я! Виновата ли я!”²⁷

Во всех этих примерах воспроизводится ситуация, изображенная в самом романсе: «песня», которую поет героиня, скорее всего, тоже романс и тоже служит средством завлечения.

Самое позднее свидетельство об исполнении романса Анны Р. относится к середине 1920-х гг. По воспоминаниям украинского лингвиста Юрия Шевелева (1908–2002), жившего тогда в Харькове, любимым романсом его двоюродной сестры

был тот, что начинался словами:

Виновата ли я, что случайно впотьмах
На твоих и моих нераскрытых устах²⁸
Поцелуй прозвучал горячо?»

Исполнялся романс «с грустно-игривой интонацией»²⁹.

* * *

О популярности романса Анны Р. свидетельствует также внушительный ряд произведений, написанных по его мотивам либо инспирированных рефреном «Виновата ли я?».

В 1870 г. в Петербурге был издан романс «Виноват ли был я?» на слова К. Шауфельбергера и музыку Карла Бюхнера, с посвящением: «Наталии Александровне Кюльц»³⁰. Авторы слов и музыки, судя по именам, принадлежали к немецкой общине Петербурга. В романсе встречаются довольно неуклюжие грамматические

²⁷ Н.Н. Из прошлого // Русская мысль. 1898. № 5. С. 50–51.

²⁸ Эта строка либо ошибка памяти мемуариста, либо услышанный им вариант.

²⁹ Шевельов Ю. Я – мене – мени... (и довокруги): Спогади. Харьков; Нью-Йорк: Видавництво М.П. Коць, 2001. <Ч. 1:> В Україні. С. 80.

³⁰ Шауфельбергер К. Виноват ли был я?: Романс / Муз. Карла Бюхнера. СПб.: Бернгард, ценз., 1870. 3 с.

конструкции, а его размер – сплошной 4-стопный анапест (цитируем 1-ю строфу):

Виноват ли был я, что случайно в гостях
 Был представлен я с тем, чтобы с ней танцовать,
 Если в мыслях ее и прелестных глазах
 Встретил то, что могло меня к ней привязать;
 Если раз всей душой полюбил страстно я,
 Виноват ли был я? Виноват ли был я?
 Виноват ли был я? Виноват ли был я?

В том же 1870 г. романс был издан в Москве с музыкой М.М. Милорадовича, а в 1876 г. переиздан. Какое-то время и он входил в репертуар Агренева-Славянского³¹.

В стихотворении М.М. Богаевской³² «Оправдание» (1877) размер, рефрен и зачин романса Анны Р. служат легко узнаваемой рамкой, в которую вставлено вовсе не романсовое содержание:

Виновата ли я, что болотный застой
 Хоть кого в свою тину всосет;
 Что гнетущий и душу мертвящий покой
 Безобразную лень разовьет,
 Что апатии призрак пугает меня,
 Виновата ли я?³³

Еще одна вариация на тему романса Анны Р. появилась в 1889 г. под названием «Виновата ли ты?» (слова Владимира Серебрякова, муз. Я.Ф. Пригожего)³⁴. Размер его – двустопный анапест с мужскими рифмами. Из четырех строф приводим первую и последнюю.

Виновата ли ты,
 Что, столкнувшись в пути,

³¹ Каталог изданий П. Юргенсона. М.: Университетская тип., 1880. С. 46.

³² Мария Михайловна Богаевская, участница народнического движения. Ее стихотворение, вероятно, распространялось в списках; в указанной работе цитируется по материалам жандармского ведомства.

³³ Карпов Н.В. Нелегальная поэзия революционных народников в борьбе с церковно-религиозной идеологией // Историко-литературный сборник. Калуга: <б. и.>, 1970. С. 68.

³⁴ Пригожий Я.Ф. Виновата ли ты? Романс для сред. голоса с аккомп. ф.-п. / Слова В. Серебрякова. СПб.: Циммерман, ценз., 1894. 3 с.

В истомленной груди
Зародила мечты?
.....

Что сгорел он, любя,
От палящих лучей
Твоих черных очей,
Вспоминая тебя³⁵.

Этому романсу предшествовал романс того же автора «Я ль виноват?» (1888) с тем же мотивом соблазнительницы:

Я ль виноват, что ты меня манила
Печальною улыбкой на устах...³⁶

В августе 1892 г. 19-летний Валерий Брюсов записывает в дневнике: «Набросал “Виновата ли я”»³⁷. Это стихотворение в печать не попало. Но три года спустя стихотворение под тем же названием опубликовал Александр Емельянов-Коханский, некоторое время входивший в окружение Брюсова.

Хотя автор сборника объявил себя декадентом («Я декадент! Во мне струится сила...»), в его стихотворении решительно ничего «декадентского» нет. Здесь дана та же тема обольстительницы, но не коварной, а мимовольной, а размер взят кольцовский – двусложный анапест с мужскими окончаниями и чередованием рифмующихся и нерифмующихся строк:

Виновата ли я?
Как меня обвинять?
Право, этой вины
Не могу я понять.
.....

И, как прежде, понять
Не могла я всего,
Говорил он, что я
Погубила его...
.....

³⁵ Серебряков В.Е. Стихотворения: 1887–1895. СПб.: Типо-лит. Р.Р. Голике, 1895. С. 132.

³⁶ Там же. С. 130.

³⁷ Брюсов В. Дневники: 1891–1910. М.: М. и С. Сабашниковы, 1927. С. 8.

Но за что же он мог
Так меня обвинять,
Право, этой вины
Не могу я понять³⁸.

Шесть лет спустя и это стихотворение было положено на музыку³⁹.

Зачин «Виновата ли ты» трижды повторен в стихотворении А.А. Маркова «Миловидность и скромность, недюжинный ум...» (1895). Женская рифма в трехстопных строках меняет интонацию стиха; перед нами уже не романс, а эпигонская гражданская лирика:

Виновата ли ты, что ребенком к труду
Из-под палки тебя приучали,
Что росла ты красивой себе на беду,
Что усердно тебя развращали?⁴⁰

В 1910 г. Александр Блок написал стихотворный диптих «Посещение». Два голоса – сначала мужской, потом женский – говорят о своей давней любви. Мирон Петровский справедливо увидел тут влияние романсовой формы «вопрос – ответ», когда один романс служит ответом на более ранний⁴¹.

«Посещение» написано трехстопным анапестом с чередованием женских и мужских окончаний, интонация его трагическая, в нем нет переключек с романсом «Виновата ли я?». Однако в черновых набросках явственно слышится эхо зачина романса Анны Р., безусловно, хорошо известного Блоку:

...Виновата ли я, что любила
И любить не умела тебя.

Виновата ли я, что гонима
Снежной вьюгой, далеко ушла?
Виноват ли и ты, мой любимый,

³⁸ Емельянов-Коханский А.И. Обнаженные нервы: сборник стихотворений. М.: Тип. И.П. Малышева, 1895. С. 101–104.

³⁹ Емельянов-Коханский А.И. Виновата ли я?: Романс для ф.-п. / соч. <т. е. музыка> А. Кулеша. М.: Мейков, 1901. 3 с.

⁴⁰ Марков А.А. Стихотворения и рисунки. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1895. С. 136.

⁴¹ Ах романс. Эх романс. Ох романс: русский романс на рубеже веков. С. 57.

Что другая тебя увела?
<...> Виновата ли я, что могила
Разлучила...⁴²

Вторым источником народной песни был романс-ответ Владимира Сулковского (псевдоним Владимира Вилламова (1836–1889), генерал-майора Свиты его Величества). Опубликован он был в 1886 г. в сборнике стихотворений Сулковского под заглавием «Виновата кругом! (Романс Вилламова). Ответ на романс: Виновата ли я?». Александр Вилламов, брат поэта, написал музыку к ряду романсов, но музыка к этому романсу, по-видимому, не была опубликована. Позднее романс был издан с музыкой К. Дворжицкого⁴³.

Героине романа Анны Р. предъявляется обвинение по всем пунктам, и по всем пунктам выносится обвинительный вердикт:

Виновата ли ты? А зачем страстный взор
На него ты кидала не раз,
Для чего про любовь ты вела разговор
В тишине, в поздний сумрачный час?
Виновата кругом! (bis).

Виновата ли ты? – А зачем ты при нем
Пела песню, вздыхая? к чему?
Знала ты, что она кровь палила огнем,
Душу, сердце сжимала ему.
Виновата кругом! (bis).

Виновата ли ты? А зачем на плечо
Ты склонялась, его не любя?
Для чего в тишине целовать горячо
Ты ему позволяла себя?
Виновата кругом! (bis).

Ты сгубила его ложной страстью... потом
Стала вновь как змея подползать,
Чтобы яд свой излить на несчастном другом,
И ты хочешь себя оправдать!
Виновата кругом! (bis)⁴⁴

⁴² Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л.: Художественная литература, 1960. Т. 3. С. 594.

⁴³ Дворжицкий К. Виновата кругом: <Романс> для голоса с ф.-п. / слова В. Сулковского. М.: Юргенсон, ценз., 1895. 3 с.

⁴⁴ Сулковский В. Стихотворения Владимира Сулковского. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1886. С. 55.

Сулковский написал немало романсов, но ни один из них не имел настоящего успеха. Несколько строк из двух последних куплетов романса-ответа – единственный заметный его вклад в русскую песенную культуру.

* * *

Второй куплет песни имеет не столь почтенную родословную, как два остальных. Он восходит не к романсовому, а к эстрадно-му («шантанному») репертуару эпохи Первой мировой войны. В наиболее полном виде исходный шантанный куплет приведен в рукописном песеннике 1961 г.⁴⁵ В разделе, озаглавленном «Стихи для писем», записаны подряд, без разделения, множество стихов, предназначенных для писем любимой девушке. Среди них есть и такой (пунктуация по цитируемому источнику):

Ночь дана для любовных утех
Ночью спать непростительный грех
Ночью ласки дарят
Ночью глазки горят
Ночью все о любви говорят⁴⁶.

Строки куплета многократно цитировались в мемуарной и художественной литературе – и всегда как пример потакания низменным вкусам публики.

Евгений Кузнецов, который в 1918 г. окончил Царскосельский лицей, с неодобрением писал о «салонных куплетистах шантанного плана», «делавших ставку на “пикантность” <...> или ничем не прикрытую порнографичность специфических куплетов и песенок вроде “Ночью глазки горят, ночью ласки дарят, ночью все о любви говорят”»⁴⁷.

Знаменитый конференсье Н.П. Смирнов-Сокольский вспоминал о предреволюционных годах: «Юмористы “салонные” миновали всякую “злобу дня” и “политику”, а пели модные “Луна, луна, наверно, ты пьяна” или “Ночью глазки горят, ночью ласки дарят, ночью все о любви говорят”»⁴⁸.

⁴⁵ Аноним. Рукописный песенник. Петрозаводск, 1961. URL: <http://www.scanmusic.net/songbooks/petr1961.php> (дата обращения: 15.01.2024).

⁴⁶ Далее подряд следуют еще 6 строк – по всей вероятности, продукт самодетельного анонимного творчества.

⁴⁷ Кузнецов Е.М. Из прошлого русской эстрады: исторические очерки. М.: Искусство, 1958. С. 337.

⁴⁸ Смирнов-Сокольский Н.П. Сорок пять лет на эстраде: фельетоны, статьи, выступления. М.: Искусство, 1976. С. 135.

Артист оперетты Н.Н. Радошанский (1887–1963) связывал эти куплеты с «опереточными мозаиками» антрепренера В.П. Валентинова, т. е. опереттами, составленными из различных опереточных номеров и песен.

Содержание его оперетт не отягощало сознание «деловых людей» проблемами.

Ночь дана для любовных утех,
Ночью спать непростительный грех,

– неслись со сцены слова модной песенки, великолепно олицетворявшей «философию» этого круга людей: забвение, уход от тяжелой действительности, безудержное, какое-то зоологическое веселье⁴⁹.

В пьесе Вс. Вишневского «Первая конная» (1930) слова «Ночь дана для любовных утех» напевает белый офицер – омерзительный персонаж, собирающийся изнасиловать больную шестнадцатилетнюю девушку⁵⁰.

С явным осуждением цитируются эти строки в романе «Человек без лица» (1972) одесситки Наталии Логуновой⁵¹:

И затащил фальшиво:

Ночь дана для любовных утех,
Ночью спать непростительный грех.

– Утехи!.. ха-ха... удовлетворение физиологии...⁵²

Поздняя цитация куплета датируется 1967 г.:

Гитарист <...> гнусавил:

А ночь дана для любовных утех,
А ночью спать непростительный грех,
А ночью ласки дарят,
А ночью глазки не спят,
А ночью все о любви говорят⁵³.

⁴⁹ Радошанский Н.Н. Записки актера оперетты. М.; Л.: Искусство, 1964. С. 39.

⁵⁰ Вишневский Вс. Первая конная. М.: ОГИЗ; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1931. С. 107.

⁵¹ Н.А. Логунова (1903–1972), с 1944 г. в эмиграции.

⁵² Логунова Н.А. Человек без лица. Мадрид: Ediciones Castilla, 1972. С. 39.

⁵³ Из рассказа У.А. Токомбаева «Ночлег», см.: Токомбаев У.А. Осенняя радуга: повесть, сказ для кино, рассказы. Фрунзе: Мектеп, 1979. С. 161. (1-я публ. рассказа «Ночлег»: 1967.)

В 1970-е гг., а возможно, и раньше, строка «Эта ночь дана для утех!» включалась в куплеты князя Орловского в оперетте «Летучая мышь»⁵⁴, хотя в немецком оригинале ничего подобного нет.

* * *

Подавляющее большинство рукописных песенников 1940–1980-х гг. принадлежит школьникам, и «взрослый» неэстрадный репертуар, к которому относилась песня «Винювата ли я», в них почти не отражен. Это обстоятельство, при отсутствии записей песни в фольклористических исследованиях вплоть до 1980-х гг., крайне затрудняет выяснение истории текста.

Песня, несомненно, возникла в городской среде, а затем проникла и в сельскую. Едва ли анонимные авторы обращались к печатным изданиям романсов. Текст они узнавали со слуха или по рукописным песенникам, в которых песни записывались большей частью по памяти. В рукописном девичьем песеннике (Ленинград, 1930–1931) романс Анны Р. записан явно со слуха, с многочисленными, хотя и не слишком значительными отступлениями от оригинала⁵⁵. Эта запись – последнее известное нам свидетельство о бытовании романса, причем в самой что ни на есть «низовой» среде, судя по неграмотной орфографии.

Поскольку размер романса-ответа полностью совпадал с размером исходного романса, они могли исполняться на одну мелодию (скорее всего, на гораздо более известную мелодию Анны Р.). В таком случае контаминация текстов становится вполне вероятной.

К романсу Анны Р. восходит повторяющийся зачин и первый куплет песни, к романсу Сулковского – третий куплет. Так возникла диалогическая композиция. Однако в песне, по устойчивой фольклорной традиции, страдающим персонажем стала девушка.

Основой второго куплета песни стали строки шантанного куплета – те, что укладывались в размер, заданный романсом Анны Р.: «Ночью ласки дарят / Ночью глазки горят / Ночью все о любви говорят».

Сентиментальная стилистика романса, вообще говоря, отторгает фривольную стилистику шантана. Шансонетка с ее установкой на пикантность, замечает Мирон Петровский, – своего рода «антироманс» (и то же относится к шантанным куплетам). Однако шансонетка, освобожденная от эротизации, «может прозвучать

⁵⁴ Васильев Г. Роли, которые нас выбирают. М.: Вагриус, 2004. С. 85.

⁵⁵ Валя. Песенник. Ленинград, 1930–31. URL: <https://www.scanmusic.net/songbooks/valya1931> (дата обращения: 19.05.2024).

как романс»⁵⁶. Именно в этом направлении шло «редактирование» шантанного куплета песни. Его фривольность смягчена введением лирического обращения «дорогая», а также (в большинстве известных нам версий) изъятием строки о «любовных утехах» и заменой игривого оборота «глазки горят» на романтическое «звезды горят».

На формальном уровне в песне существуют три голоса: голос лирической героини (1-й куплет), голос любимого (2-й куплет) и осуждающий голос (3-й куплет). Голос любимого встроен в лирический монолог героини. Что же касается осуждающего голоса, то его можно понимать двояко: как часть внутреннего диалога героини и как реальный диалог с кем-то вовне, говоря обобщенно – с мнением окружения.

Контекст фильма «Тучи над Борском» предполагает вторую возможность: героиню осуждают явно несправедливо. По замечанию кинокритика, «так можно было грустить и жаловаться и двести, и триста лет назад, и непременно тут же услышать приговор: “Виновата во всем, виновата кругом”»⁵⁷.

В качестве ближайших аналогов песни «Виновата ли я», вошедших в фольклорный репертуар, можно назвать песню А. Разоренова «Не брани меня, родная» (конец 1840-х или начало 1850-х гг.) и песню И. Родионова «Не корите меня, не браните...» (1876).

1. Не брани меня, родная,
Что я так люблю его.
Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мне без него.

.....

Сжался, сжался же, родная,
Перестань меня бранить.
Знать, судьба моя такая –
Я должна его любить!⁵⁸

2. Не корите меня, не браните,
Не любить я его не могла;
Полубивши же, все, что имела,
Все ему я тогда отдала.

.....

⁵⁶ Ах романс. Эх романс. Ох романс: русский романс на рубеже веков. С. 44.

⁵⁷ Трояновский В. Одна // Искусство кино. 1995. № 9. С. 78.

⁵⁸ Песни и романсы русских поэтов. М.; Л., 1965. С. 37.

Я готова забыть мое горе
И простить ему все его зло...
Не корите меня, не браните,
Мне и так тяжело, тяжело!⁵⁹

В обеих песнях беззаветная любовь героини подвергается осуждению, в песне Разоренова – со стороны матери, в песне Родионова – со стороны общественного мнения, и в обеих песнях героиня продолжает отстаивать свое чувство несмотря ни на что.

Мы полагаем, что то же относится к песне «Виновата ли я». Даже если понимать осуждающий голос как часть внутреннего диалога героини, этот голос есть, в сущности, интериоризация внешней моральной оценки: в этот момент героиня смотрит на себя глазами своего окружения.

Песня начинается с самой высокой эмоциональной ноты – с трижды повторенного вопроса «Виновата ли я?», причем третий повтор идет с повышением тона. Последовательное нагнетание эмоции в зачине и его четкий ритм содержали в себе возможность превращения протяжной лирической песни в едва ли не плясовую, о чем будет сказано ниже.

Открытым остается вопрос о происхождении мелодии песни. По заключению Василия Кузьмина⁶⁰, мелодии всех пяти авторов музыки романса «Виновата ли я?», а также мелодия романса «Виновата кругом!», не имеют существенного сходства с мелодией песни. Мелодия шантанного куплета нам неизвестна, но и она не могла совпадать с мелодией песни (во всяком случае, целиком), так как стихотворный размер куплета лишь частично совпадает с размером песни.

* * *

Раннее упоминание о песне появилось в 1956 г., за четыре года до окончания съемок фильма «Тучи над Борском». Цитируем рассказ Овидия Горчакова «Наля»:

Вечером снова слушал девичьи песни старый дуб – молодые искренние песни с тем русским надрывом в голосе, от которого пощипывает в глазах и холодеет грудь... <...>

⁵⁹ И. З. Суриков и поэты-суриковцы. М.; Л.: Советский писатель, 1966. С. 365.

⁶⁰ Кузьмин В. Анализ музыки различных изданий романса «Виновата ли я?» (1865) и романса «Виновата кругом!» (1886) // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://ctsf.ru/publication/v-kuzmin-analiz-muzyki-razlichnykh-izdaniy-romansa-vinovata-li-ya-1865-i-romansa> (дата обращения: 19.05.2024).

Виновата ли я, виновата ли я,
Виновата ли я, что люблю?
Виновата ли я, что мой голос дрожал,
Когда слушал ты песню мою?⁶¹

В очерке И. Орлова «Жарким летом» (1963):

...Из лагеря туристов доносилась протяжная мелодия. “Виновата ли я, виновата ли я, виновата ли я, что люблю?” – пели девушки, и недоумение и грусть звучали в их высоких стройных голосах⁶².

В повести Николая Масолова «Дновская быль» (1964):

...Наперекор ночной тишине плыла песня. Было что-то озорное, когда девичий голос настойчиво спрашивал:

Виновата ли я, виновата ли я,
Виновата ли я, что люблю?

И что-то трогательное в признании:

Виновата во всем, виновата кругом⁶³...

В романе Анатолия Приставкина «Голубка» (1967):

Запела:

Виновата ли я, виновата ли я,
Виновата ли я, что люблю.
Виновата ли я, что мой голос дрожал,
Когда пела я песни ему.

Голос у нее был несильный, совсем беззащитный, какой-то детский...
<...>

⁶¹ Горчаков О. Наля: Рассказ // Литературная Москва: Литературно-художественный сб. московских писателей. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1956. <Сб. 1>. С. 592.

⁶² Орлов И. Жарким летом: Из путевых тетрадей // Новый мир. 1963. № 6. С. 84.

⁶³ Масолов Н.И. Дновская быль. М.: Изд-во полит. лит., 1964. С. 86. В киноверсии: «Виновата сама, виновата во всем»; «виновата кругом» – точная цитата из романа Сулковского.

Дорогая моя, ты не спи в эту ночь,
 Ночью спать непростительный грех,
 Ночью звезды горят, ночью ласки дарят,
 Ночью все о любви говорят...

<...> Становится больно, и пощипывает где-то под сердцем. Правда не в этих словах, самих по себе только сентиментальных, – правда в том, как их поют. Как их чувствуют⁶⁴.

Во всех этих описаниях песню поют девушки, и именно как девичью лирическую. Выделим характеристики исполнения: «протяжная мелодия», «плыла песня», «недоумение и грусть»; «русский надрыв в голосе, от которого пощипывает в глазах и холодеет грудь»; «Становится больно, и пощипывает где-то под сердцем»; «что-то озорное и <...> трогательное». Характеристика исполнения романса Анны Р. в мемуарах Шевелева – «с грустно-игривой интонацией» – стоит в том же ряду.

По свидетельству Л.Н. Федосеевой-Шукшиной, относящемуся к 1964 г., «Виновата ли я» была одной из любимых песен Василия Шукшина⁶⁵; он и сам ее пел – надо думать, в том же, окрашенном грустью, эмоциональном ключе, что и мужской дуэт в фильме «Тучи над Борском».

Но вот другое свидетельство. Поэтесса Людмила Дербина вспоминает, как 2 мая 1963 г. пришла в гости в общежитие Литинститута.

Вокруг нас плясали и пели, как говорится, «дым стоял коромыслом» от молодого задорного веселья. Кто-то терзал гармошку:

Виновата ли я, виновата ли я,
 виновата ли я, что люблю?
 Виновата ли я, что мой голос дрожал,
 когда пела я песни ему?

Мы подхватили с Рубцовым⁶⁶ эту песню от всей души, изо всей мочи. Рубцов пел, раскачиваясь в такт песне, прикрыв глаза и размахивая перед собой рукой, как бы дирижируя:

⁶⁴ Приставкин А. Голубка. М.: Молодая гвардия, 1967. С. 27–28.

⁶⁵ Гаврилова Е. «Миленкий ты мой...»: Интервью с Л.Н. Федосеевой-Шукшиной // К Василию Макаровичу Шукшину: стихи, интервью, очерки, письма. Барнаул: Алтай, 1994. С. 17.

⁶⁶ Николай Рубцов (1936–1971), известный поэт.

Ночью звезды горят,
ночью ласки дарят,
ночью все о любви говорят⁶⁷.

Вместо грусти и «пощипывания под сердцем» мы видим именно что «задорное веселье» и пение «изо всей мочи», с «терзанием гармошки» и приплясыванием.

В другом примере песни поется в пензенской деревне середины 1960-х гг.:

...Появилась еще водка, и всем досталось понемногу, после чего женщины тут же заголосили:

Виновата ли я,
Виновата ли я,
Виновата ли я, что люблю,
Виновата ли я,
Что мой голос дрожал,
Когда пела я песню ему.

Нет, они не пели, они именно голосили, кричали⁶⁸.

Вспомним очерк Е. Добровольского: «каблуками приколачивали в бетонные плиты». В автобиографической повести К. Сомова об армейской жизни начала 1980-х гг. «Виновата ли я» – уже строевая песня, исполняемая «с гиканьем и присвистом»⁶⁹.

Так, с приплясыванием, и вошла песня в современную самодетальную и эстрадную культуру. «Протяжная мелодия» ранней версии нынче большая редкость. В современном эстрадном и любительском бытовании песня исполняется чаще всего в быстром темпе, нередко в сопровождении танца. В нотных изданиях встречаются указания темпа «Весело, подвижно» и даже «Весело,

⁶⁷ *Дербина Л.* Все вещало нам грозную драму: Воспоминания о Николае Рубцове // Дядя Ваня: Литературный альманах. 1993. № 5. С. 163.

⁶⁸ *Роцин М.М.* Двадцать четыре дня в раю: Лирический дневник // Москва. 1966. № 10. С. 136–137.

⁶⁹ *Сомов К.* «Бесы», «черпаки» и другие // Сборник произведений молодых писателей Алтая. Барнаул: Алтайское книж. изд-во, 1993. С. 148.

задорно!»⁷⁰ А в одном из пособий по игре на гитаре читаем: «Песню играют в ритме “Марш”»⁷¹.

* * *

В некоторых послесоветских песенниках появилась строка «Ночь дана для утех».

Киноверсия песни состояла из трех куплетов, один из которых повторяется. В рукописных песенниках 1980-х гг. приводится еще один куплет:

Целовал-миловал, целовал-миловал,
Говорил, что я буду его.
А я верила всё и как роза цвела,
Потому что любила его.

Оборот «целовал, миловал» встречается в ряде фольклорных текстов, включая песни свадебного обряда⁷², затем – в песне на слова Некрасова «Огородник» и популярном романсе «Ах, зачем эта ночь так была хороша...» (слова Н. Риттера, муз. Н. Бакалейникова, 1910-е гг.).

В упомянутой выше повести К. Сомова куплет «*Целовал-миловал...*» поется последним. В печатных песенниках 1990-х гг. далее следует куплет, заменяющий второй куплет киноверсии:

Ой ты, мама моя, ой ты, мама моя!
Отпусти ты меня погулять.
Ночью звезды горят (и т. д.)⁷³

По-видимому, уже в 1980-е гг. эта версия почти совершенно вытеснила версию, прозвучавшую в «Тучах над Борском».

⁷⁰ Павленко Б.М. Самые популярные русские народные песни и романсы под гитару: для тех, кто знает и не знает ноты: Учебно-методическое пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2016. С. 10; Павленко Б.М. Популярные русский народные песни с нотами и аккордами: Песенник. Ростов н/Д: Феникс, 2015. С. 15.

⁷¹ Петров П.В. Гитара. Безнотная методика. Учимся играть русские народные песни / Русские народные песни. Безнотная методика обучения игры на гитаре. М: АСТ: Кладезь, 2021. С. 85.

⁷² Масленникова Р.А. Отлетела лебедушка: русский свадебный обряд. Орел: Простор, 1993. С. 88, 175.

⁷³ Песня не прощается с тобой: песни, романсы / сост. С.С. Маркова, А.И. Морозкина. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1995. С. 44.

Обращение к матери/отцу с просьбой «отпустить погулять» встречается в различных фольклорных текстах, прозаических и стихотворных, но, как правило, не в сочетании с мотивом любовного свидания в саду. В данном случае эта тема могла быть подсказана песней «Шумел камыш», с которым «Виновата ли я» соседствовала в застольном репертуаре⁷⁴:

Придешь домой, а дома спросят:
«Где ты гуляла, где была?».
А ты скажи: «В саду гуляла,
Домой тропинки не нашла»⁷⁵.

Оборот «Ой ты, мама моя», да еще повторенный дважды, не встречался в русском песенном фольклоре. Он, вероятно, восходит к строке «Ой ты мамка моя, ой ты мамка моя» из песни «Касіў Ясь канюшыну» (*белорус.*), ставшей всесоюзным хитом в 1971 г. в исполнении ансамбля «Песняры». Именно в таком виде, с «мамкой», приведена эта строка в ранней записи куплета «Ой ты, мама моя...». Запись сделана в 1983 г.; информантка сообщила, что услышала песню в 1977 г. и пояснила: «Это – женская песня, изредка поется и в смешанной компании, часто – на улице, уже после вечеринки»⁷⁶. В той же записи после третьего куплета «Ой ты мамка моя, ой ты мамка моя...» следует четвертый:

Отойди от меня, ненавижу тебя,
Откровенно тебе говорю,
За измену твою, за неправду твою
Я уж больше тебя не люблю.

⁷⁴ Эта самая известная застольная песня считается очень старой: «...Песня, / древняя, / как “Шумел камыш”» (Виктор Соснора, «Звезды», 1963, см.: *Соснора В.* Стихотворения. СПб.: Амфора, 2011. С. 338). В Рунете можно встретить самые фантастические версии об авторе «Камыша», начиная с француза Фабр д’Эглантина (1750–1794) и кончая поэтом-символистом Вяч. Ивановым. На самом деле «Камыш» немногим старше самого Сосноры, родившегося в 1936 г.: ранняя фиксация песни датируется 1932 г. (Клавдины песни: из рукописного песенника ученицы II гр. III. К. М. Клавди, 1932 г. СПб.: Красный матрос, 2011. С. 8–9).

⁷⁵ Русские песни и романсы / сост. В.Е. Гусев. М.: Художественная литература, 1989. С. 410.

⁷⁶ Электронный архив Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ.

Этот куплет встречается также в ряде сетевых публикаций. Его 3-я строка взята из варианта жестокого ромansa «Катя-пастушка» («За измену твою, за неправду твою, / И за сына тебе отомстила»)⁷⁷.

Особый интерес представляет запись в позднем (скопирован в 2010 г.) рукописном песеннике М.М. Колпаковой (1929 г.р., Саратовской обл.)⁷⁸ (орфография оригинала исправлена):

Виновата ли я, виновата ли я,
Виновата ли я, что люблю?
Виновата ли я, что мой голос дрожал,
Когда пела я песню ему?

Виновата кругом, виновата сама,
Еще хочешь себя оправдать,
Так зачем же тогда ты ночью порой
Разрешила себя целовать.

Так зачем же тогда ты ночью порой
Наклонялась к нему на плечо,
При закрытых глазах, при застывших устах
Поцелуй твой звучал горячо.

Уж ты, мама моя, уж ты, мама моя!
Отпусти меня в сад погулять.
Ночью звезды горят, ночью ласки дарят,
Ночью все о любви говорят.

Песня предположительно была перенесена из более раннего песенного альбома Колпаковой. Нам неизвестны другие примеры оборота «Уж ты, мама моя»; вполне вероятно, что тут мы имеем дело с вариантом строки «Ой ты, мама моя...», а имеющийся текст представляет собой результат контаминации более ранней версии с поздними.

1-й, 2-й, 4-й куплеты соответствуют известным версиям песни (но без куплета «Целовал-миловал»), зато 3-й куплет стоит совершенно особняком. Строки 1–2 – реминисценция фрагмента ромansa Сулковского: «А зачем на плечо / Ты склонялась...».

⁷⁷ Сказки и песни, рожденные в дороге: Цыганский фольклор / сост., запись, пер. с цыг., предисл. и коммент. Е. Друца, А. Гесслера. М.: Наука, 1985. С. 487.

⁷⁸ Скопирована И.О. Шуваловой для электронного архива Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ.

Строки 3–4 – реминисценция фрагмента романса Анны Р.: «...На моих незакрытых устах⁷⁹ / Поцелуй прозвучал горячо».

Обе реминисценции не встречаются в других известных нам записях и цитациях. По-видимому, этот куплет отражает раннюю стадию истории текста.

В версии Жанны Бичевской (1998) диалогическая композиция устранена; героиня сама себя обвиняет «во всем»:

Виновата сама, виновата во всем
И не стану его упрекать.
Ах, зачем же, зачем в эту лунную ночь
Позволяла себя обнимать?
.....
Догорает заря, быстро время течет,
А я все поджидаю его.
Он меня позабыл, он ко мне не придет,
Ведь его уж другая влечет⁸⁰.

Этот текст, вероятно, сочинен специально для Бичевской.

В 2005 г. был опубликован еще один текст с монологической композицией:

Виновата во всем,
Виновата во всем
И не в силах себя оправдать.
Ах, зачем я, зачем
В незабвенную ночь
Позволяла себя целовать?⁸¹

В 2010-е гг. актрисы Элина Быстрицкая (1928–2019) и Зинаида Кириенко (1933–2022) спели песню дуэтом в концерте, показанном на телеканале «Россия 1». Песню венчал графоманский куплет, в котором расставлены все точки над i:

⁷⁹ С похожим отклонением от оригинала передан этот фрагмент романса в воспоминаниях Шевелева (см. выше): «На <...> моих нераскрытых устах».

⁸⁰ С фонограммы Жанны Бичевской, альбом «Старые русские народные деревенские и городские песни и баллады», Часть 3, Moroz Records, 1998. URL: <http://a-pesni.org/popular20/vinovatali.htm> (дата обращения: 15.01.2024).

⁸¹ Говорите мне о любви: Песенник. Песни и романсы. СПб.: Композитор, 2005. URL: <http://a-pesni.org/popular20/vinovatali.htm> (дата обращения: 15.01.2024).

Может быть, на меня повлияла весна,
А быть может, та лунная ночь.
Я не в силах была отказаться тогда
И в объятья себя отдала⁸².

А в конце 2010-х гг. появился текст песни, исполняемой от лица мужчины. В Рунете он публикуется с подзаголовком «Мужская версия» и указанием: «Исполнитель: Экспресс»⁸³. На самом деле украинская группа «Экспресс» («Експрес») исполняла женскую версию песни, которая в видеороликах рекламировалась как «ресторанный хит»; исполнители «мужской версии» пользуются лишь «ресторанной» аранжировкой «Экспресса».

Гендерные роли здесь радикально меняются:

Виноват ли был я, виноват ли был я,
Виноват ли был я, что люблю?
Виноват ли был я, что мой голос дрожал,
Когда пел я ей песню свою.

Виноват был один, виноват был во всем,
Еще хочешь себя оправдать.
Так зачем же, зачем в эту темную ночь
Позволял ей себя целовать?

Целовала меня, целовала меня,
Говорила, что буду я с ней.
А я верил во всё, и как дуб я зацвел,
Потому что любил я ее.

Ой ты, мама моя, ой ты, мама моя!
Отпусти ты меня погулять.
Ночью звезды горят, ночью ласки дарят,
Ночью все о любви говорят.

Эта версия может показаться пародийной, но, судя по видеороликам в интернете, воспринимается как вполне нормальная⁸⁴.

⁸² Виталий Волков. Виновата ли я... Я не в силах была отказаться тогда И в объятья себя отдала // Одноклассники. URL: <https://ok.ru/video/484282505888> (дата обращения: 15.01.2024).

⁸³ Виновата ли я (мужской вариант). URL: <https://muza.vip/print/68172> (дата обращения: 15.01.2024).

⁸⁴ «Мужская версия» в качестве музыкального сопровождения танцев на Приморском бульваре Севастополя 1 мая 2019 г. URL: <https://>

Отличия текста и особенно – стиля исполнения ранней версии и современных версий крайне существенны. Если ранняя версия – протяжная лирическая, то современные все больше походят на быструю плясовую.

Современный фольклорист М.В. Строганов включает песню «Виновата ли я» в тематическую группу «Падение девушки» [Строганов 2019, с. 132], а писатель Владимир Крупин назвал ее «девичьей песней запоздалого раскаяния»⁸⁵. Но это крайне поверхностная оценка. В песне главенствует мотив самоценности любви, который в народную песню пришел из поэзии сентиментализма и романтизма. Процитируем Мирона Петровского: «Романс <...> упивается потерями так же, как приобретениями»; «...Любовь, пусть несчастная, здесь <...> абсолютная ценность <...>»⁸⁶. Снова и снова спрашивая: «Виновата ли я?», девушка словно бы отстаивает свое право на любовь.

Благодарности

Автор выражает благодарность Василию Андреевичу Кузьмину, который озвучил упоминаемые в статье романсы и предпринял их музыковедческий анализ, Михаилу Лазаревичу Лурье за важные замечания концептуального характера по поводу настоящей статьи, Сергею Юрьевичу Неклюдову за предоставление записи песни «Виновата ли я», сделанной М.М. Колпаковой, а также Василию Воробьеву и Ульяне Петуховой, участникам семинара Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, за указание электронных публикаций ряда рукописных песенников, использованных в данной статье.

Acknowledgments

The author wishes to express gratitude to Vasily Kuzmin, who performed the romances mentioned in the article and conducted their musicological analysis; to Mikhail Lurie for important conceptual remarks regarding this paper; to Sergei Neklyudov for providing a recording of the song “Am I to

www.youtube.com/watch?v=if31fx2kjpw&ysclid=lulatmleth378948004 (дата обращения: 15.01.2024); «Мужская версия» в исп. Сергея Мерзликина. URL: https://vk.com/video542436091_456239018 (дата обращения: 15.01.2024).

⁸⁵ Крупин В.Н. Во всю ивановскую // Крупин В.Н. Во всю ивановскую: Повести, рассказы. М.: Советский писатель, 1985. С. 296.

⁸⁶ Ах романс. Эх романс. Ох романс: русский романс на рубеже веков. С. 30, 37. Ср.: «Ах, это было чудесное время! Я была так несчастна!» – говорила знаменитая французская певица XVIII в. Софи Арну, вспоминая о своей первой любви.

blame” recorded by M.M. Kolpakova; and to Vasily Vorobyov and Ulyana Petukhova, participants of the seminar held by the Center for Typological and Semiotics Folklore Studies at the Russian State Humanitarian University, for pointing out electronic publications of several manuscript songbooks used in this study.

Литература

- Иванова 2010 – *Иванова С.В.* Русские женщины-композиторы XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 5(2). С. 563–566.
- Строганов 2019 – *Строганов М.В.* Исторические корни фольклорных жанров. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2019. 175 с.

References

- Ivanova, S.V. (2010), “Russian women composers of the twentieth century”, *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences*, vol. 12, no. 5(2), pp. 563–566.
- Stroganov, M.V. (2019), *Istoricheskie korni fol'klornykh zhanrov* [Historical roots of folklore genres], RGU imeni A.N. Kosygina, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Константин В. Душенко, кандидат исторических наук, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, д. 27; kdushenko@nlr.ru

ORCID 0000-0001-7708-1505

Information about the author

Konstantin V. Dushenko, Cand. of Sci. (History), Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow; 27, Nahimovsky Av., Moscow, Russia, 117997; kdushenko@nlr.ru

ORCID 0000-0001-7708-1505